

В древности урожаи были невысокими: с одного му земли собирали всего двести - двести пятьдесят цзиней зерна, то есть даже меньше половины современных урожаев. Об этом несколько дней назад за ужином рассказала Цуй Ланьфан, и тогда у Лю Гуюя уже появилась мысль оставить эти два му себе и обрабатывать самостоятельно. Но пока это были лишь размышления: сейчас важнее всего оставалась торговля в рыночные дни.

С самого утра Лю Гуюй поднялся готовить завтрак. Он замесил тесто и сделал солёные острые рулеты с зелёным луком, сварил кашу из разных злаков, а на маленькой печке рядом уже томилось лекарство для Цуй Ланьфан.

Когда он приподнял крышку, по кухне тут же разлился густой аромат теста и зелёного лука. Паровые рулеты из белой муки вышли пышными и мягкими - каждый размером почти с кулак взрослого мужчины, с щедрой начинкой из лука, пахли они просто восхитительно.

— Идите есть! — крикнул Лю Гуюй, разливая кашу по четырём чашкам.

Он подошёл к дверям кухни, вытянул шею наружу и снова громко позвал. Во дворе Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань как раз сушили зерно. В деревне было несколько больших площадок для просушки урожая, куда обычно и свозили рис - там и места больше, и солнце лучше. Но у семьи Цинь зерна было немного, так что собственного двора вполне хватало.

Мать с дочерью раскладывали рис, а Цинь Жунши в это время носил воду и поливал овощи в огороде - у каждого были свои дела. Услышав голос Лю Гуюя, все постепенно зашли в дом и сели завтракать.

За едой Лю Гуюй сказал:

— После завтрака давайте съездим в город. Матушке пора снова показаться лекарю.

Такое дело откладывать было нельзя, и вскоре вся семья отправилась в путь. Но у самой деревни их ждал неприятный сюрприз - они столкнулись с Чжоу Цяочжи и Цяо Хуэйлань. Непонятно, как эти двое вообще сошлись, но они шли рядом и оживлённо переговаривались. Маленькая Тянь Хэсян, едва достававшая Чжоу Цяочжи до груди, тащила на спине корзину, тогда как сама мать шла налегке.

Заметив Лю Гуюя и остальных, Чжоу Цяочжи будто украдкой указала в их сторону, и обе женщины тут же замолчали.

Когда семья Цинь прошла мимо, Чжоу Цяочжи наконец заговорила — нарочито громко и с издёвкой:

— Некоторые люди, знаете ли, ради денег готовы на всё. Совесть сгнила, сердце чёрное... ой-ой, а ведь я рядом с семьёй Чэнь живу, каждый вечер слышу, как у них дома плачут. Жалко-то

как!

Цяо Хуэйлань молчала, лишь тонко хмурила брови, поддакивала и тяжело вздыхала, словно и правда искренне сочувствовала.

После очередного её «ах» Лю Гуюй незаметно закатил глаза. Он даже не взглянул на Чжоу Цяочжи, а вместо этого повернулся к своим и с самым серьёзным видом спросил:

— Вы слышите? Мне всё кажется, будто где-то собака лает.

Цинь Жунши едва заметно усмехнулся, а Цуй Ланьфан нахмурилась и сердито посмотрела на Чжоу Цяочжи - ей явно хотелось ответить, но спорить она никогда не умела. За все эти годы ни разу не смогла её переругать.

Только Цинь Баньбань честно заморгала, покачала головой и сказала:

— Нет, не слышу. Брат Лю, тебе, наверное, показалось.

Лю Гуюй: «...»

— Ладно, иди играйся.

Он легонько ткнул её в лоб.

А Чжоу Цяочжи уже взорвалась: упёрла руки в бока и завопила:

— Лю Гуюй! Ты, дрянь бессовестная! Это ты меня собакой назвал?!

Тут даже Цуй Ланьфан не выдержала. Пусть ругаться она не умела, но всё же холодно произнесла:

— Чжоу Цяочжи, как ты можешь так говорить?!

Только тогда Баньбань наконец поняла, о чём шла речь. Она поспешно прикрыла рот ладонью и закивала, округлив глаза:

— Есть собака... есть...

Лю Гуюй всё так же не смотрел на Чжоу Цяочжи. Он снова ткнул Баньбань в лоб и потянул остальных чуть в сторону, приговаривая:

— Раз собака рядом, стойте подальше. Вдруг ещё укусит - бешеная ведь.

— Лю Гуюй!!! — завизжала Чжоу Цяочжи.

Она аж подпрыгнула от злости, лицо её стало пунцовым. Тянь Хэсян испуганно спряталась за матерью и молчала.

И тут Цяо Хуэйлань снова мягко вздохнула, поглаживая Чжоу Цяочжи по спине:

— Эх, ну чего ты с ним споришь? Этот ребёнок с детства был непослушным, я так и не смогла его перевоспитать. Всё моя вина как матери, не сердись на него.

Лю Гуюй ничего не ответил, только бросил на неё холодный взгляд и презрительно фыркнул.

Как раз в этот момент сверху по дороге послышался грохот колёс - это подъехала повозка из деревни Сяхэ, которая возила людей в город. Дома они заранее решили: если повезёт - поедут на повозке, если нет - пойдут пешком. Похоже, сегодня удача была на их стороне.

Когда повозка подъехала ближе, Лю Гуюй поддержал Цуй Ланьфан и, ловко крутанувшись бедром, плечом вытолкнул Чжоу Цяочжи, которая уже ухватилась за край телеги и собиралась залезать.

Пусть Лю Гуюй и был гэром, силы у него всё же было больше, чем у обычной женщины - Чжоу Цяочжи пошатнулась так, что едва не рухнула на землю. Только благодаря тому, что Тянь Хэсян вовремя подхватила мать, та не рухнула на землю.

Но уже в следующую секунду Чжоу Цяочжи грубо оттолкнула дочь и завопила на Лю Гуюя:

— Ах ты проклятый гэр! Так спешишь на тот свет?!

Лю Гуюй, будто только сейчас её заметив, поспешно обернулся и с самым невинным видом закивал:

— Ой, это вы, тётушка Чжоу! Ах, ну и зрение у меня... совсем не увидел человека!

— Да чтоб у тебя глаза повылазили! — взвилась она. — Я что, такая маленькая, что ли? Не заметил?!

Лю Гуюй с серьёзным видом кивнул:

— В следующий раз, в следующий раз. В следующий раз я обязательно приму вас за человека.

— ЛЮ ГУЮЙ!!!

Голос у Чжоу Цяочжи и без того был пронзительный, а в гневе и вовсе резал слух. Телегой правил мужчина средних лет, уже лет десять возивший людей в город. В округе его все знали и звали дядюшкой Чжаном. Дядюшка Чжан потёр ухо, скривился и спросил Чжоу Цяочжи:

— Ты едешь или нет?

Сейчас была страда, людей в город ездило мало. Если не считать семьи Цинь, в телеге сидели только сам Чжан и один молодой парень. Места ещё хватало, и Чжоу Цяочжи поспешно полезла в повозку. За ней забрались и Цяо Хуэйлань с Тянь Хэсян.

Но едва усевшись, Чжоу Цяочжи снова открыла рот:

— Ой, да я вам говорю... есть такие семьи - гниль у них с корня! Старшие дурные, так и дети такие же растут. Я человек прямой, вот скажите сами - разве я не права?

Говорила она явно для дядюшки Чжана и молодого парня. Чжан терпеть не мог сплетен и сразу нахмурился, а молодой парень, не привыкший к подобным разговорам, сидел весь скованный и неловко улыбался.

А Лю Гуюй вдруг склонил голову набок и с совершенно серьёзным видом обратился к дядюшке Чжану:

— Дядюшка, может, высадим её? Я слышал, что люди с «прямыми кишками»* плохо сдерживаются и прочие вещи... как бы она вам телегу не загадила.

(ПП: буквально это выражение переводится как «прямая кишка». В переносном смысле это «душа нараспашку» (слишком откровенный, прямолинейный, не умеющий держать язык за зубами, импульсивный человек). Ирония Лю Гуюя в том, что он намеренно переинтерпретирует поговорку. В оригинале «душа нараспашку» не имеет ничего общего с «прямой кишкой» в физиологическом смысле. Но Лю Гуюй притворяется дурачком и буквально трактует её так, будто она означает, что человек не может контролировать свой сфинктер. Это игра слов, чтобы поддеть женщину и выставить её в нелепом свете.)

На этих словах вся повозка разразилась смехом. Даже Цяо Хуэйлань не выдержала - уголки её губ дрогнули, но она тут же прикрыла рот платком, притворившись, будто кашляет. Она считала себя женщиной «приличной», всё-таки мать сющая, не какая-нибудь простая деревенская баба. Одевалась она аккуратно, всегда носила с собой платочек и держалась почти как зажиточная госпожа из города.

Даже Тянь Хэсян, дочь Чжоу Цяочжи, не выдержала и прыснула со смеху. Но в следующую секунду мать уже схватила её за ухо и зло прошипела:

— Ах ты дрянная девчонка! Ещё и смеёшься! Твою мать оскорбляют, а тебе весело?!

Тянь Хэсян тут же надулась и жалобно заскулила:

— Мама, больно! Отпусти, отпусти! Ухо оторвёшь!

На самом деле она почти не слушала, о чём ругаются взрослые. Всё это время её взгляд был прикован к Цинь Баньбань. На той по-прежнему была старая одежда, но в волосах теперь красовалась пара изящных заколок с османтусом. Эти украшения Тянь Хэсян видела на ярмарке и ужасно хотела себе такие же. Она долго упрашивала мать купить, но та отказалась, мол, деньги нужно копить на учёбу младшего брата.

В конце концов снова заговорила Цяо Хуэйлань. Она придержала Чжоу Цяочжи, успокаивающе что-то ей шепнула, а потом посмотрела на Лю Гуюя тем самым взглядом взрослого, отчитывающего неразумного ребёнка, и мягко, но с упреком произнесла:

— Гуюй, разве так разговаривают? Тётушка Чжоу старше тебя, как можно так обращаться со старшими? Твой отец ведь не так тебя воспитывал.

Лю Гуюй посмотрел на неё, опустил уголки глаз, изобразив испуг и жалость к самому себе, и даже голос его задрожал:

— Вторая матушка... а ведь отец перед смертью просил вас заботиться обо мне. Разве... вы не слышали его слов? Он ведь относился к приведённому вами Цяо Нюдану как к родному сыну, даже дал ему новое имя, учил грамоте, оставил ему школу... Всё потому, что надеялся, что вы и правда будете заботиться обо мне.

И это было чистой правдой. Лю-сюцай действительно любил прежнего хозяина тела. Просто старый учёный был человеком старых взглядов и никогда не думал учить гэра самостоятельности - считал, что достаточно выдать его за хорошего человека, и жизнь сама устроится.

Поэтому он и устроил для прежнего хозяина тела такую удачную партию с семьёй Цинь, а к Цяо Хуэйлань и её сыну относился с добротой и щедростью - надеялся, что если сам будет поступать по совести, то и другие после его смерти не оставят его единственного гэра без поддержки. Но старый учёный всё же слишком верил в человеческую природу. Пока он был жив, Цяо Хуэйлань изображала образцовую жену и заботливую мать, а после его смерти быстро показала своё настоящее лицо.

Такие слова были в новинку, и дядюшка Чжан с молодым парнем сразу заинтересованно уставились на Цяо Хуэйлань. А та, услышав это, тут же заплакала, словно решила соревноваться с Лю Гуюем, кто кого переплачет.

— Этот ребёнок до сих пор держит на меня обиду! Но в какой семье детей не наказывают? Твоего брата тоже в детстве по рукам били, когда учился... Все говорят, что между матерью и сыном не бывает долгой вражды, но ты ведь мне не родной, как тебе понять моё сердце?

Слёзы быстро залили её лицо, глаза покраснели, она дрожащими руками вытирала их платком - выглядела действительно очень жалко.

Лю Гуюй мысленно присвистнул: Вот это уже серьёзный противник!

Надо признать, играла она куда убедительнее, чем Чжоу Цяочжи или Юй Чуньхун.

Лю Гуюй тут же перестал изображать страдальца и вдруг очень серьёзно указал на её платок:

— Вторая матушка... вы ведь только что кашляли в этот платок, прикрывая рот. Там же, наверное, слюна... а теперь вы им глаза вытираете... эх, хоть бы о гигиене подумали.

Цяо Хуэйлань: «...»

Она замерла прямо посреди рыданий. Платок застыл у её лица - ни опустить, ни продолжить вытирать слёзы она уже не могла. Так и сидела, неловко сжимая его в руках. Склонив голову, она незаметно прикусила зубами губу, и в глубине её глаз мелькнула тёмная, злая тень.

В следующую секунду она всё же убрала платок в рукав и с натянутой улыбкой сказала:

— Ах этот ребёнок... всё шутит.

— Да-да, конечно, опять шучу. Видимо, я переродившийся дух десяти тысяч чёрных анекдотов*, — пробормотал Лю Гуюй, серьёзно кивая.

(ПП: это прямая отсылка к культовому китайскому интернет-мультсериалу (и комиксу) «Десять тысяч чёрных анекдотов» (十千个黑色笑话).)

Цяо Хуэйлань не поняла этих слов, но интуитивно почувствовала: ничего хорошего в них нет. И вообще, с этим гёром явно что-то произошло - раньше он был совсем другим, а теперь вдруг стал острым на язык, да ещё и так ловко отвечал, что она ни разу не смогла его переспорить.

Подумав, Цяо Хуэйлань решила больше не связываться с Лю Гуюем. Вместо этого она повернулась к Чжоу Цяочжи и начала жаловаться: как тяжело быть мачехой, как трудно одной тянуть двоих детей. Чжоу Цяочжи, уже не раз проигравшая Лю Гуюю в словесных перепалках, тут же с готовностью подхватила разговор. Обе женщины быстро зашептались между собой, явно найдя общий язык.

Тем временем повозка продолжала катиться в сторону Фушюя.

<http://bllate.org/book/17177/1636020>